

Также из-за этого любые дальнейшие сомнения старого Мулиса сводились лишь к тому, не заболел ли сын, не пережил ли он чего-то ужасного, когда был один в Сегунде, на самом дне своей профессиональной карьеры? Какой удар ему пришлось вынести?

Хотя ему было жаль сына, если бы мысли старика двигались именно в этом направлении, это было бы даже на руку Мулису.

Однако, судя по реакции старого Мулиса в некоторые моменты, Мулис понимал, что всё далеко не так просто.

Даже если бы всё было так, как он предполагал, старик не чувствовал бы себя настолько чужим рядом с собственным сыном. Он выглядел как совершенно другой человек, и именно эта дистанция, это чувство чужеродности заставляли старого Мулиса копать всё глубже —

Хотя нынешний Мулис уже давно принял этого толстяка как своего настоящего отца.

Военный стратег, привыкший просчитывать всё наперед, своим холодным и проницательным взглядом мгновенно нашел брешь в этих подозрениях.

Это могло бы принести освобождение им обоим.

Несколько событий, казавшихся на первый взгляд несвязанными, в его руках складывались в логичную картину. Это могло бы одновременно ответить на вопросы, мучившие старого Мулиса так долго, и избавить его от боли страха потерять сына.

Но поступить так было бы жестоко по отношению к прошлому Чена Мулису.

Ведь он будет стерт им.

Полностью замещен!

Даже если тот Чена Мулис уже никогда ничего не смог бы сделать и никогда не вернулся бы к отцу, чтобы утешить его, Мулис всё равно колебался, не решаясь совершить это своими руками.

Разум твердил, что так будет лучше для них обоих.

Он чувствовал, что старый Мулис в последнее время чем-то глубоко озабочен, а порой смотрел на него странным взглядом. Его состояние вызывало у Мулиса сильное беспокойство.

Если бы это был Байли Чжан, он бы без колебаний выбрал наиболее выгодное решение.

Но он ведь больше не тот холодный и бессердечный стратег государства Цин, идущий к цели по головам.

Он уже занял тело Чена Мулиса, как же он может собственными руками стереть его окончательно?

Если бы старый Мулис узнал обо всём этом, как бы он посмотрел ему в глаза?

И для прежнего Байли Чжана, и для нынешнего Мулиса чувства были чем-то редким и дефицитным.

Дело не в том, что он не понимал любви; в его сердце жила великая любовь и вера. Но в том,

что касалось любви между мужчиной и женщиной или отцовской привязанности, он был неуклюж и неразвит.

У Байли Чжана в прошлом не было времени думать о сыновних чувствах. Став Мулисом, он посвятил почти всю свою энергию футболу.

В этой жизни его вера родилась из упорного следования за мечтой, он был человеком, который, наметив цель, шел к ней напролом.

А такие близкие люди, как старый Мулис — от вынужденной заботы поначалу до искреннего тепла в душе и даже нынешней привязанности к этому редкому дару отцовской любви...

Он постоянно менялся, и теперь его побуждало стереть прошлое не желание помочь себе, а забота о старом Мулисе.

Вечером позвонил дядя Вачи и попросил забрать толстяка.

Тот напился, лил слезы, сопли, вел себя крайне непристойно. Его просили лечь спать, но он упрямо требовал вернуться домой. У дяди Вачи не было выбора, кроме как позвонить Мулису.

Попросив работника лавки сесть за руль, он отправился к дому дяди Вачи.

Тот работник часто отвозил дядю домой и хорошо знал дорогу.

Вот, еще одна промашка.

В детстве Чена Мулис часто ходил с отцом навещать дядю Нели Вачи.

Мулис должен был благодарить судьбу за то, что его жизнь последние пару сезонов была такой простой.

Только тренировки да матчи, маршрут от клуба до дома. Старый Мулис не жил с ним, приходя каждый день лишь приготовить ужин, и расспрашивал в основном о футболе.

Видимо, жизнь Чена Мулиса в последние годы была не из легких, и старик редко вспоминал о том периоде.

Но эта чрезмерная простота сама по себе была главной проблемой.

Все предпочтения и привычки Чена Мулиса были им отброшены. Помимо тренировок, он перенял некоторые привычки пожилых людей. В нем не осталось юношеской живости, и он даже позволял себе иногда подтрунивать над толстяком.

Такие перемены заметил бы даже дурак.

Когда Мулис приехал к дяде Вачи, старый Мулис валялся на полу, его лицо от выпитого покраснело, словно налилось кровью.

Он что-то бормотал про своего маленького Чена, хотя, скорее всего, речь шла не о нем. В руках старик судорожно сжимал рамку с фотографией.

На ней маленький Чена Мулис босиком карабкался ему на плечи, вцепившись пухлыми ручонками в волосы отца, боясь упасть. А он и Нели Вачи громко смеялись — такого смеха Мулис давно не видел на лице старика.

— Дядя Вачи.

— Мулис, ты пришел. Прости, Виггер немного перебрал, вот и стал таким.

— Ничего, я заберу его. Спасибо вам, дядя Вачи.

Мулис подошел, чтобы поднять старика, но тот начал капризничать:

— Не хочу, не пойду, не поеду с тобой! Ты совсем не мой Чена!

От этих слов Мулис застыл.

Никогда еще слова не казались ему такими холодными.

Нели Вачи опешил, но быстро взял себя в руки:

— Виггер, что ты несешь? Это и есть твой Чена, он пришел за тобой, ты же сам о нем всё время твердил!

— Нет, не он, он не Чена! — старый Мулис яростно мотал головой, глядя на Мулиса глазами, в которых читалась редкая, пугающая ненависть.

Сердце Мулиса пронзила боль.

В его глазах отразилось смутение, рука невольно потянулась к ноющей груди.

Оказывается, это место еще способно болеть.

А ты хорош, толстяк!

Мулис невольно усмехнулся.

Неужели ты столько раз хотел смотреть на меня с такой ненавистью?

Потому что я отнял у тебя твоего драгоценного сына, твоего единственного близкого человека.

Ты и должен меня ненавидеть, даже если перебрал все причины, пытаюсь убедить себя, что я всё еще тот самый Чена Мулис. В глубине души ты уже всё понял.

А я еще считал себя великим мудрецом, не сумев разгадать мысли простого старика.

Байли Чжан, ты с каждым днем всё больше теряешь хватку!

— Эй, Чена! — Нели Вачи обернулся и увидел, что Мулис уже сидит в машине.

Он поспешил следом:

— Чена, не принимай близко к сердцу, твой отец не это имел в виду.

Мулис пристально посмотрел на Нели Вачи. Разумеется, дядя Вачи тоже всё знал. С самого начала его реакция была подозрительной.

— Дядя Вачи, раз толстяк не хочет уходить, пусть переночует у вас. Завтра приеду за ним. Простите, у меня еще тренировка.

Машина Мулиса уехала, оставив Нели Вачи с полным тревоги взглядом.

Мулис не помнил, как добрался до квартиры. Сегодняшний толстяк разрушил его представления о мире.

Человек оказался куда сложнее, чем ты думаешь.

Ты можешь не видеть насквозь даже самых близких людей.

Мулис понимал, что у него нет права винить других. Винить — какое смешное слово, удел слабых. А он, став Мулисом, был вечным должником.

Но даже Мулис, видевший всё насквозь, был ранен.

Мало кто мог удивить его, а тех, кто мог причинить боль — можно было пересчитать по пальцам. Сегодня он сполна вкусил и то, и другое.

Ирония в том, что еще мгновение назад он сомневался, стоит ли стирать прежнего Чена Мулиса.

Но стереть следовало не Чена Мулиса, а его самого.

Увы, выжил он, и это свершившийся факт, который нельзя изменить.

Мулис бросился в тренировочный зал, где сотни мячей с оглушительным свистом летали в воздухе. Весь гнев он выплескивал через силу ударов своих ног. В зале раздавались хлопки один за другим — это лопались мячи.

В конце концов, у Мулиса иссякли не только силы, но и Нэйли.

Он рухнул на пол, а в голове всё всплывал тот полный ненависти взгляд старого Мулиса. Он беззвучно рассмеялся.

Когда всё утихло, изможденный Мулис сжал кулаки.

Промедление смерти подобно. Разве ему привыкать быть злодеем? Еще один раз ничего не изменит.

Стратег принял решение и, волоча уставшее тело, вышел из зала. Он вернулся в комнату, принял душ, смывая пот, и, ни о чем не думая, лег на большую кровать.

Отдохнув пару часов, он встал, оделся и начал обустривать комнату.

Простая схема — план созрел в голове, как только возникла мысль. Пока он отдыхал, он еще раз прокрутил всё в уме.

Ему предстояло иметь дело с толстяком, и он хотел, чтобы всё выглядело безупречно. Даже если в душе оставались сомнения, достаточно было подтвердить свои догадки.

А правду пусть навсегда похоронит в глубине своего сердца.

Чена Мулис, если однажды ты сможешь вернуться, всё это будет твоим. Сейчас в этом теле я, и всё будет по-моему. Я позабочусь о нашем отце, он не останется один.

Рано утром на следующий день Мулис вышел из дома.

Вернулся он через три часа, остановившись на углу переулка перекусить.

— Плохо спал, Чена? — дядя Грей с улыбкой поставил перед ним большую миску рисовой каши со свиными костями. Парень редко ел вне дома, и дядя был приятно удивлен.

Мулис покачал головой:

— Просто рано встал.

— Даже если тренируешься, береги себя. Ты же надежда наших болельщиков Малаги, мы все ждем, что ты возьмешь чемпионство, Лигу чемпионов, а в будущем — и Кубок мира!

Заговорив о футболе, дядя Грей воодушевился.

— Я постараюсь.

— О!

На улице было немногочленно, но все узнавали Мулиса. Видя, что он завтракает, люди просили дядю Грея обслужить его лучше, а кто-то даже пытался заплатить за него.

Мулис встал, поблагодарил за доброту и поспешил сам расплатиться. Дядя Грей не хотел брать денег, но Мулис настоял. Если не заплатить, он больше не сможет приходить сюда завтракать.

Он любил этот городок — тихий, спокойный, с простой атмосферой. Без шума больших городов, с искренними отношениями между людьми.

В свободное от футбола время Мулис хотел жить максимально просто.

Если бы не вчерашние события, он бы сейчас тренировался, как обычно.

Старый Мулис проснулся ближе к полудню.

Открыв глаза, он увидел, как Нели Вачи сверлит его взглядом. Увидев, что друг очнулся, он бросил в него шляпу и начал выпроваживать.

— Старый друг, что с тобой? Дай хоть умыться, позавтракать, — старый Мулис был обижен, ведь они дружили столько лет, а его выгоняют, едва он проснулся.

— Какое тебе завтракать! Забыл, какую чушь ты вчера нес?

— Вчера? Что я говорил?

Старый Мулис выглядел растерянным, и Нели Вачи в отчаянии схватился за голову.

Как он мог забыть, что у Виггера хорошая голова для выпивки, но отвратительное поведение? Напьется — начинает плакать, а проспится — всё забывает.

Бедный Чена, наверняка он до сих пор обижен.

Услышав от Нели Вачи о том, что он наговорил, старый Мулис отвесил себе пару пощечин.

Дурак старый, язык без костей!

Чена и так был не в духе, а он еще ляпнул такое прямо ему в лицо. Как же парню было больно!

Старый Мулис не мог усидеть на месте.

Нужно было срочно возвращаться и просить прощения у Чена.

— Эй, так и пойдешь?

— А?

— Что акать, я сам тебя отвезу. Ты сейчас ноги переставлять не можешь, еще попадешь в беду.

Они едва вышли на улицу, как подъехал работник с Мулисом.

Нели Вачи замер. Он помнил, что Чена обещал заехать за отцом, но думал, что после вчерашнего парень затаил обиду.

Мулис вышел из машины, поклонился Нели Вачи и молча забрал сумку отца.

— Спасибо, дядя Вачи, что присмотрели за ним пару дней.

— Не стоит, Чена, мы с твоим отцом друзья десятки лет, — ответил Нели Вачи, подталкивая толстяка к машине. Затем он обернулся к Мулису: — Он с похмелья, я слышал, ты умеешь варить чай от похмелья, приготовь ему большую кружку.

— Он очень горький! — вставил старый Мулис.

— Как раз поможет бросить пить, — улыбнулся Мулис, глядя на своего толстяка.

— ... — старый Мулис опешил, но, услышав про «бросить пить», тут же умолк.

В машине отец и сын молчали.

Старик несколько раз поворачивался, пытаясь заговорить, но, видя впереди водителя, проглатывал слова.

Дома Мулис помог ему занести сумку, и когда он уже выходил, старый Мулис окликнул его:

— Че... Чена...

— Что такое?

— Вчера... те слова... не бери в голову.

— Какие слова?

— ...Я слышал от Нели, не знаю, как я мог такое сказать, — старый Мулис бессильно опустился на стул. Ему хотелось поговорить с сыном о том, что его гложет.

Хватит подозрений. Даже если ответ окажется самым страшным, он хочет знать правду.

Иначе он просто сойдет с ума.

Он отчаянно скучал по своему сыну. Тот был рядом, но внутри жило чувство — он его потерял.

Наверное, это и есть связь между отцом и сыном, и старик не знал, как избавиться от этого страха.

Несмотря на то, что этот ребенок был внимателен к нему, как никто другой.

С другой стороны, старик боялся ранить сына. Внутри — тучи сомнений, а снаружи — ни тени подозрения.

Каждый раз он убеждал себя: живи проще, не думай много, ребенок всё тот же, живой, перед глазами. Даже если многое не объяснишь, их родство не разорвать.

Но стоило закрыть глаза, как в его снах появлялся маленький, чудесный Чена.

Все прошлые моменты вставали перед глазами.

Просыпаясь, он чувствовал лишь пустоту.

Мулис, видя его состояние, присел рядом.

— Сильно изменился, да?

Старый Мулис резко обернулся, с изумлением глядя на сына.

— Не говори мне, я и сам себя едва узнаю.

— ...

— Но я — Чена Мулис, толстяк. Перестань накручивать себя. Ты сам говорил: каким бы я ни стал, я твой сын. Если нарушишь слово, я рассержусь, даже если это ты.

— Постой, что ты... что ты имеешь в виду? — старик окликнул его, когда Мулис собрался уйти.

— Хм, — уголок рта Мулиса дрогнул. — Разве я сейчас плох? Тот прежний, беспомощный я мне больше не нужен.

Старый Мулис долго не мог осознать его слова.

Дальнейшее общение выглядело нормальным, но в нем чувствовалась тонкая грань.

Например, когда за ужином Мулис сказал, что собирается купить машину.

Старый Мулис прекрасно знал, что сын умеет водить. Он давно удивлялся: с тех пор как вернулся из Малаги, сын ни разу не садился за руль. Услышав это, он радостно закивал.

Машину пригнали быстро — Опель Астра. Мулис не гнался за роскошью, ему нужно было просто средство передвижения.

Старик, увидев машину, замер.

Больше трех лет назад Чена хотел машину, но стеснялся попросить. На день рождения старый Мулис купил ему синий Опель Астра.

Он до сих пор помнил, как Чена радовался, как берег машину, как сам мыл ее, вернувшись

домой. То, как тщательно он протирал кузов, навсегда врезалось в память старика.

Эта машина была почти точной копией той, что он подарил сыну — та же модель, тот же цвет.

— Эта машина...

— Кажется знакомой, будто где-то видел, вот и купил.

— !

Старый Мулис застыл, а Мулис стоял у двери, не решаясь войти.

— Что случилось? — подошел старик.

Он заметил, что сын чем-то встревожен.

Особенно рядом с машиной. Его сын-покерфейс, и даже такая крупница эмоций была удивительна.

— Не знаю, просто чувствую... — Мулис сел в машину. Руки нервно сжали руль. Он попытался завестись, машина рванула с места. Старик испугался, закричал вслед. Резкий тормоз, и Мулиса стошнило прямо в мусорный бак.

Когда старик подбежал, Мулис уже лежал на обочине.

Старый Мулис был в ужасе.

Когда Мулис пришел в себя, он лежал в больнице Малаги, уже на следующий день.

— Проснулся, Чена?

— Что со мной? — Мулис попытался пошевелиться, заметив капельницу.

— Не двигайся, лежи. Врач сказал, ты переутомился и не высыпался.

— ...Оу.

Старый Мулис знал, что Чена не поверит в эту отговорку. Его здоровье было отменным, особенно в последние два сезона — сил было хоть отбавляй. В нынешней Малаге Чена, не отличавшийся мощным телосложением, получил прозвище «неутомимый».

Он помнил, что раньше выносливость была слабым местом Чена.

<http://bllate.org/book/18722/1809912>